

Автор Ли Веталина

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ли Веталина

Черный Человек

<https://litres.ru/73992844>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сергей работает в ритуальной службе. Каждый день он забирает тела тех, кто уже не дышит. Сам он давно не живёт — существует. После работы он возвращается в пустую квартиру, ложится в позу эмбриона и не выключает свет. В его голове живёт голос. Он говорит, что Сергей — ничтожество, что все бросят его, что от него одни проблемы. Сергей привык. Он даже не помнит, когда это началось — может, в детстве, когда пьяный отец бил мать, а он прятался под столом и боялся дышать.

Всё меняется, когда соседка Галя приносит ему пирожки. Просто так. Без причины. Сергей не умеет принимать помощь, не верит в доброту и боится даже сказать «спасибо». Но Галя не отступает.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Черный Человек

Глава

Дисклеймер

Все персонажи, события и места действия в этой книге являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или умершими, а также с реальными организациями и географическими объектами случайны и непреднамеренны. Эта история — плод воображения автора, а не отражение действительности.

Глава 1. Груз

Запах в машине был такой, что Сергей перестал его замечать через полгода работы.

Формалин, дешёвые сигареты и ещё что-то сладковатое, от чего начинали ныть зубы. Он вёл микроавтобус без опознавательных знаков, потому что живые не любят смотреть на смерть в упор. Даже когда она проезжает мимо на светофоре.

— Четвёртый за смену, — сказал напарник с переднего сиденья. Его звали Колян, он был старше, толще и давно уже ничего не чувствовал. — У тебя как, норм?

— Норм, — ответил Сергей. Голос был чужой. Сухой, как старая доска.

Сзади, за глухой перегородкой, лежал очередной. Мужчи-

на, шестьдесят лет, сердце. Жена нашла утром на кухне. Когда забирали, она всё пыталась сунуть им в карманы деньги, которые они не имели права брать. И плакала. Не громко. Так — подвывала, как собака, которую забыли в закрытой машине.

Сергей смотрел на неё и чувствовал пустоту. Не жалость. Не боль. Просто пустоту. Как будто внутри кто-то выключил рубильник.

«Молодец, — прошептал кто-то в затылок. Голос был его собственный, но с другой интонацией. Спокойнее. Холоднее. — Правильно. Не ведись».

Сергей моргнул. В салоне было тихо. Колян ковырялся в телефоне. Никто ему ничего не шептал.

«Показалось», — решил он.

Машина свернула на окраину. Дома кончились, потянулись пустыри, гаражи, а потом и старые берёзы, за которыми угадывалась кладбищенская стена. Серая кирпичная кладка с вросшими в бетон венками.

Кладбище «Северное». Родной дом.

Ворота открыл сторож дядя Миша — маленький сухой старик, который работал здесь с восьмидесятых. Он не спрашивал, кого привезли. Он вообще редко говорил. Просто махнул рукой: проезжай.

Сергей заглушил двигатель. Тишина ударила в уши. Такая густая, что можно было резать ножом.

— Выгружаем? — спросил Колян, уже вылезая из маши-

ны.

— Сейчас.

Он сидел, не двигаясь. Смотрел на пальцы, сжимающие руль. Белые костяшки, бледные ногти. Руки его. А напряжение — не его.

«Ты устал, — сказал тот же голос. — Сделаем это быстро и домой».

— Серёг? — Колян заглянул в окно. — Ты в порядке?

— Да. Иду.

Он вышел из машины. Захлопнул дверь. Обошёл микроавтобус сзади, открыл. Мешок лежал на каталке. На металлическом бортике каталки была приклеена бумажная лента, на которой кто-то написал чёрным маркером: «ГРУЗ».

Под простынёй угадывалось тело. Когда-то это был человек. Теперь просто груз.

Сергей взялся за ручку каталки. Пальцы не дрожали. Только в груди что-то сжалось, будто кто-то наступил на воздушный шарик.

«Не дыши носом, — посоветовал голос. — Запах сильнее, когда дышишь носом».

Он послушался. Выдохнул ртом и повёз тело в морг.

Морг при кладбище был маленький, на три стола. Кафель цвета слоновой кости, ржавые решётки на сливных отверстиях. Лампы дневного света гудели так, что начинало ломить затылок.

Сергей перекатил каталку к столу. Колян ушёл оформлять

бумаги, оставил его одного.

И тогда он услышал.

— Помоги...

Голос был тихий. Хриплый, как у курящих в подъезде старух.

Сергей замер. Посмотрел на мешок. Мешок не двигался.

— Помоги мне... здесь так холодно...

Он сделал шаг назад. Вжался спиной в кафельную стену.

Сердце колотилось где-то в горле.

«Ерунда, — сказал внутренний голос. Он звучал раздражённо, как будто его оторвали от важного дела. — Тебе показалось. Открой окно».

Сергей не стал открывать окно. Он развернулся и вышел в коридор. Быстро, почти побежал.

Колян сидел на скамейке, курил, листал ленту.

— Готово? — спросил он, не поднимая головы.

— Да. — Сергей прижался спиной к косяку и закрыл глаза. — Да, готово.

«Молодец, — похвалил голос. — Теперь домой».

Он вернулся в квартиру в начале девятого.

Однокомнатная клетка на пятом этаже панельной пятиэтажки. Дом был старый, лифт не работал. Соседи — в основном пенсионеры, которых он почти не видел. Кроме одной.

Когда Сергей поднимался по лестнице, на пятом его уже ждала Галя.

Она стояла у своей двери в халате поверх свитера, держала в руках пакет с мусором и улыбалась. Ей было около тридцати пяти. Не замужем, без детей. Работала в продуктовом ларьке за углом.

— Серёжа, привет! — сказала она, будто они не виделись сто лет, хотя он проходил мимо вчера. — Поздно вы сегодня.

— Смена, — буркнул он, доставая ключи.

— Я пирожков напекла. С капустой. Возьмёте?

Она протянула ему свёрток в фольге. Тёплый. Пахло дрожжами и детством, которого у него не было.

«Скажи нет, — зашипел голос. — Прогони её. Она что-то хочет взамен. Все хотят что-то взамен».

Сергей замер. Смотрел на фольгу, как на змею.

— Я не голоден, — выдавил он.

— Врёшь, — Галя не обиделась. Даже не перестала улыбаться. — Вы вечно голодный. Заберите, Серёж.

Её голос был мягкий. Тёплый. Почти такой же тёплый, как свёрток в её руках.

Сергей взял. Молча. Пальцы почти не дрожали.

— Спасибо, — сказал он и быстро зашёл в квартиру, закрыл дверь на замок, а потом ещё и на цепочку, хотя цепочка висела на одном гвозде и не держала.

«Зачем взял? — спросил голос. Он звучал зло. — Выброси».

Сергей не выбросил. Положил свёрток на стол, в самую середину пустой кухни. И долго стоял, смотрел на него, чув-

ствуя, как под рёбрами шевелится что-то тёплое и совсем не страшное.

«Ты слабак», — отрезал голос и затих.

Ночью он лежал на боку, поджав колени к груди. Лампочка на пятьдесят ватт горела в торшере, отбрасывая жёлтые круги на побелённый потолок.

Одеяло сбилось комком у пояса. Под головой — не подушка, а собственное плечо.

Поза эмбриона.

Сергей спал так с детства. Помнил, как мать иногда заглядывала в комнату, пьяная, растрёпанная, и шептала: «Боженька, что ж ты его таким уродил?» Он не знал, кого она имела в виду — его или отца. Но просыпаться перестал. Научился спать, не просыпаясь.

Сегодня он тоже спал.

Но сквозь сон, где-то на границе явного и нездешнего, он услышал шаги. Тяжёлые, размеренные. Кто-то ходил по комнате. Не таясь. Хозяйской походкой.

«Кто здесь?» — попытался спросить Сергей, но язык не повиновался.

«Я здесь, — ответил тот же голос. Спокойный. Холодный. — Я всегда здесь. Отдыхай. Завтра новый день».

Шаги остановились у изголовья. Сергей кожей чувствовал, что кто-то стоит над ним. Смотрит. Изучает.

Он хотел открыть глаза. Не смог.

Глава 2. Запах Гали

Утро началось с того, что Сергей не помнил, как ложился спать.

Он открыл глаза и долго смотрел в потолок. Лампочка в торшере горела — он опять забыл её выключить. Одеяло сползло на пол. Левая рука затекла, потому что он спал на ней, поджав колени к груди. Поза эмбриона. Тридцать пять лет, а спишь как младенец, который боится, что его уронят.

Он сел. В голове гудело.

Телефон на тумбочке показывал 7:42. Выходной. Колян сказал: «Отдыхай, завтра сам справлюсь». Коля иногда казался добрым.

Сергей встал. Пол под ногами был холодный — тапки он потерял ещё в прошлом году. Прошлёпал босиком на кухню.

На столе лежала пустая фольга.

Вчера Галя дала ему пирожки. Два, с капустой. Он помнил, как взял свёрток — он был тёплый, даже через фольгу чувствовалось тепло её рук. Помнил, как закрыл дверь и прислонился к косяку. А дальше — темнота.

— Съел, наверное, — сказал он в пустоту.

Фольга хрустнула, когда он сжал её в кулаке и бросил в ведро.

Чайник поставил греться. Пока вода шла, он умылся. Провёл ладонью по щетине — надо бы побриться, но не сегодня. Посмотрел в зеркало. Из отражения на него смотрел мужик с запавшими щеками и красными глазами. Тридцать пять. Выглядит на сорок пять.

— Ну и ладно, — сказал он себе. Отвернулся.

Кофе — три ложки, два сахара. Кипяток. Размешал ложкой, которая вечно падает в кружку. Пирожков не хватало, но он не голодал. Он вообще редко чувствовал голод.

А потом, сам не зная зачем, он вышел на лестничную клетку.

Просто так. Подышать. В квартире пахло кофе и старыми вещами. А здесь, в подъезде, пахло хлоркой, мокрыми коврами и чем-то ещё. Чужим. Живым.

Дверь Гали была закрыта. Обычная деревянная дверь с облупившейся краской. Старый глазок, ржавая ручка. Из-за двери пахло выпечкой. Свежей. Тёплой.

Сергей постоял, послушал тишину за дверью. И хотел уже вернуться к себе, как она открылась.

— Серёжа? — Галя стояла на пороге в халате поверх ночной рубашки. Волосы растрёпаны, на щеке след от подушки. В руках — расческа. — Вы чего?

— Да так, — сказал он. — Выдохнуть.

Она посмотрела на него. Сначала удивлённо. Потом тепло. Не спрашивала, не лезла в душу. Просто улыбнулась.

— Заходите. Чай попьёте.

Он хотел отказаться. Открыл рот, чтобы выдохнуть привычное «нет, спасибо, я спешу». Но ноги уже шагнули вперёд. Сами. Как будто кто-то другой принимал за него решения.

Квартира Гали была такой же, как у него. Одноушка, па-

нельный дом, пятый этаж. Те же метры, та же планировка. Но здесь было по-другому.

Пахло выпечкой, сушёными травами и ещё чем-то неуловимым — может быть, яблоками, может быть, чистотой. На подоконниках стояли цветы. Живые, зелёные. На стенах висели вышитые крестиком картины — домики, котики, надпись «Уют». На кухне — скатерть в клетку. У него на столе была голая клеёнка с пятном, которое не оттиралось.

— Садитесь, — Галя кивнула на табуретку. — Я сейчас.

Сергей сел. Чувствовал себя великаном в хрупком мире. Боялся пошевелиться — вдруг заденет что-то, уронит.

Галя суетилась у плиты. Грела чайник. Доставала печенье из жестяной банки с росписью. Её руки были быстрыми, уверенными. Не такими, как у него — вечно дрожащими.

— Вы вчера работали? — спросила она, не оборачиваясь.

— Да.

— Тяжёлая смена?

— Нормальная.

Она повернулась. В руках — две кружки, пар идёт.

— Серёж, — сказала она мягко. — Вы не обязаны отвечать. Но если захотите когда-нибудь поговорить — я умею слушать.

Она поставила кружку перед ним. Чай был чёрный, крепкий, с лимоном. Лимон плавал на поверхности, как маленькая лодка.

— Спасибо, — сказал Сергей. И это прозвучало почти как

«извините».

Они пили чай молча. Галя не задавала вопросов. Не смотрела на него с жалостью. Просто пила свой чай, грызла печенье и иногда поглядывала в окно на серое утро.

— А я замуж не вышла, — сказала она вдруг. — И детей нет. Так и живу одна.

Сергей поднял глаза.

— Мне тридцать четыре, — продолжила она. — Тоже не подарочек. Но пирожки печь умею. Значит, не всё потеряно.

Она улыбнулась. Не горько. Светло.

— Мне тридцать пять, — сказал он. Тоже ни с того ни с сего.

— Знаю, — ответила Галя. — Вы в прошлом году на дне рождения бутылку водки один выпили. Я из-за двери слышала, как вы плакали. Не подумайте, не подслушивала. Просто стены тонкие.

Он не помнил свой день рождения. Ни прошлогодний, ни позапрошлый. Он вообще старался не помнить такие вещи.

— Извините, — сказал он.

— За что? — Галя наклонила голову. — За то, что вам больно? Не извиняйтесь за это. Никогда.

Они допили чай.

Сергей встал. С трудом оторвал себя от табуретки.

— Спасибо, — сказал он.

— Заходите ещё, — ответила Галя. Не «приходите», а «заходите». Как к себе домой.

Он кивнул и вышел в подъезд.

Закрыв за собой дверь. Прислонился спиной к холодной стене.

В голове было тихо. Никакого голоса. Никакого шёпота. Только стук сердца и запах её дома, который остался в носу и не выветривался.

И — странное, непонятное чувство.

Ему хотелось вернуться.

Он не знал, хорошо это или плохо. Он не знал, что с этим делать. Он вообще не знал, когда в последний раз ему хотелось куда-то вернуться.

Сергей лег на кровать, но ощущение кого-то еще в комнате не отступало.

Глава 3. Грохот

Смена началась в два часа дня. Сергей молча выслушал Коляна, который жаловался на давление, сел за руль и поехал.

Первый адрес — улица Октябрьская, дом 14, квартира 47. Мужчина, шестьдесят два года, рак. Тело уже остыло. Родственники сидели на кухне и не плакали — устали плакать за полгода. Сергей перекатил тело с кровати на носилки, Колян помог донести до машины.

— Второй, — сказал Колян, закрывая фургон.

Второй адрес — ДТП на трассе. Мотоцикл, встреча, бетономешалка. Молодой парень, двадцать два года. Лица не было — Колян накрыл его простынёй сразу, даже не глядя.

Сергей смотрел на кроссовки парня — белые, новенькие, почти не ношенные. И подумал: «Жил».

— Не зависай, — буркнул Колян.

Сергей не зависал. Он делал работу.

Третий — хоспис. Старушка, весом с ребёнка. Каталка не влезала в лифт, пришлось нести на руках. Ребра прощупывались через тонкое одеяло.

— Всё, — сказал Колян, когда они загрузили последнее тело в морг. — Домой.

Колян высадил его у подъезда в начале девятого. Сказал: «Завтра опять работать» — и уехал, оставив Сергея одного под мигающим фонарём.

Сергей подошёл к крыльцу.

Ноги гудели. Спина болела. В голове — вата. Единственное желание — упасть на кровать, поджать колени к груди, заснуть и не видеть снов.

Он уже взялся за поручень, когда услышал шаги.

— Серёжа!

Галя вышла из подъезда. В руках — два пакета. В одном банки, в другом — что-то тяжёлое.

— Здравствуйте, — сказала она, улыбаясь. — Только с работы?

— Здравствуйте, — ответил он. Голос сел от усталости.

Она хотела что-то добавить — наверное, сказать, что опять испекла пирожки или спросить, как прошёл день. Но на первой ступеньке запнулась.

Сергей не успел среагировать.

Пакет с банками ударился о бетон. Три литровые банки. Компот. Стекло разлетелось в стороны, компот разлился по ступеням. Грохот был такой, будто кто-то выстрелил из ружья в закрытой комнате.

Галя ахнула. Прижала руки к лицу.

А Сергея скрутило.

Он не закричал. Не упал. Он просто резко присел на корточки, закрыл уши ладонями и вжал голову в плечи. Будто ждал нового удара.

Тело вспомнило то, что разум старался забыть.

Стекло бьётся на кухне. Крик матери. Тяжёлый шаг отца. Грохот — и снова крик. Он сидит под столом, обхватив колени, и зажмурился так сильно, что перед глазами летят искры. «Не бей её! Не бей!» — но голос не слушается. Потому что кричать нельзя. Если крикнешь — достанется и тебе.

— Серёжа? — Галя опустилась рядом с ним на корточки.
— Что с вами?

Он не слышал. Точнее, слышал как сквозь вату. Где-то далеко. В голове зашумело.

И вдруг — тихий, почти ласковый голос внутри:

«Встань. Тряпку возьми. Помоги ей. Ты же мужик».

Голос был его. И не его. Спокойный. Твёрдый. Так мог говорить отец — когда был трезвым. Когда ещё мог любить.

— Сергей! — Галя коснулась его плеча. — Вы меня слышите?

Он дёрнулся. Открыл глаза.

Она сидела перед ним на корточках, прямо в луже компота. Её джинсы намокли, на рукаве куртки — кусочек стекла. Но она не смотрела на компот. Она смотрела на него. С тревогой. С испугом. Но без отвращения.

— Всё нормально, — выдавил Сергей. Голос не слушался. — Просто... громко.

Она не поняла. Но и не переспросила.

— Вы головой не стукнулись? — спросила Галя быстро. — Может, таблетку? У меня есть валерьянка, корвалол... Или «скорую» вызвать? Я могу, у меня телефон в кармане.

Она говорила деловито, почти строго, но Сергей видел — её руки дрожат.

— Не надо, — сказал он. — Я в порядке.

— Вы не в порядке, — возразила Галя. — Вы побелели и сидите в луже. Дайте я посмотрю на зрачки.

Она протянула руку к его лицу — проверить, не сотрясение ли. Но Сергей перехватил её запястье. Не сильно. Осторожно.

— Не надо, — повторил он.

И отдёрнул руку. Свою. Освободился от её пальцев, которые всё ещё сжимали его ладонь.

Это не было грубо. Не было злым. Просто — движение уставшего человека, который не умеет принимать помощь. Который привык, что если кто-то тянется к нему, то только затем, чтобы ударить.

Галя замерла. Убрала руки.

— Извините, — сказал Сергей. Поднялся. Отряхнул колени. — Я устал. Мне нужно домой.

Она не стала удерживать.

— Хотя бы душ примите, — сказала она тихо. — И поешьте. У меня есть бульон.

— Спасибо, — ответил он, уже поворачиваясь к двери.

Он не обернулся. Открыл тяжёлую подъездную дверь плечом — она поддалась не сразу, заскрипела ржавыми петлями. Шагнул внутрь, в темноту лестничной клетки. Дверь за ним захлопнулась сама — с глухим, сырым ударом.

Галя осталась на крыльце. Посмотрела на разбитые банки, на растекающийся по бетону компот, на свои мокрые джинсы.

Потом подняла глаза на дверь, за которой исчез Сергей.

— Что с тобой такое, Серёжа? — прошептала она.

Но ответа не получила.

Сергей поднялся на пятый этаж. Достал ключи. Руки дрожали так, что он трижды промахнулся мимо замка.

Вошёл. Закрыв дверь. Прислонился спиной к косяку.

В ушах всё ещё звенело — от грохота банок, от Галиного голоса, от того чужого шёпота внутри.

«Молодец, — сказал голос. Теперь он звучал удовлетворённо. — Ушёл. Правильно. Не впускай её. Никого не впускай».

Сергей не ответил. Прошёл в комнату, упал на кровать,

поджал колени к груди и закрыл глаза.

Свет он не выключил.

Глава 4. Искра

Сергей приехал после ночной смены около восьми утра. Вылез из машины, кивнул Коляну и пошёл к подъезду.

Ноги гудели. Спина болела. В голове — серая усталость, без мыслей, без чувств. Только одна картинка застряла в памяти: старушка из хосписа, которую он нёс на руках. Лёгкая, как пух. И закрытые глаза, обведённые синими кругами.

Он уже хотел свернуть к крыльцу, но на лавочке у подъезда увидел Галю.

Она сидела, куталась в старую куртку и пила кофе из пластикового стаканчика. Рядом — пакет с продуктами. Обычная утренняя картина. Серая. Будничная. Но Сергея что-то кольнуло в груди. Может быть, то, что она одна. Как и он. Может быть, то, что её плечи опущены, а кофе она пьёт маленькими глотками, грея ладони о стаканчик.

Он хотел пройти мимо. Челюсть сжалась, готовясь выдохнуть привычное «здравствуйте» — и всё. Проскочить в дверь, не поднимая глаз. Но ноги не пошли. Остановились. Будто кто-то другой управлял ими, а он только наблюдал со стороны.

Галя подняла голову.

— Серёжа? — она улыбнулась, но как-то неуверенно. — Вы ты с работы?

Она запнулась на «вы». Сбилась. И он вдруг понял — это

она пробует. Меняет расстояние. Хочет стать ближе. И в этот миг что-то оттаяло в его груди. Совсем чуть-чуть. Как лёд на солнечном припёке.

— Да, — ответил он. Стоял столбом, не зная, куда деть руки. Сунул их в карманы куртки. Вытащил. Опять сунул. — Приехал только что.

— Садись, — Галя похлопала по лавочке рядом с собой. — Тяжёлая ночь? — Нормальная.

Он сел на самый край, оставив между ними почти метр. Чувствовал себя неловко. Краем глаза видел её профиль — усталый, без макияжа, с тенями под глазами, но какой-то тёплый. Домашний. Не такой, как мелькающие лица родственников у тел. Не такой, как Колян с его вечной усталостью. Просто женщина, которая пьёт кофе на лавочке и никуда не спешит.

Они помолчали. Галя не давила. Не спрашивала «как дела?», на что всё равно пришлось бы врать «нормально». Просто сидела рядом и смотрела на двор.

— Галя, — сказал он вдруг. Голос сел, пришлось кашлянуть. — Я хотел извиниться.

Она повернулась к нему. Внимательно. Не перебивала. — За тот вечер. С банками. Я повёл себя странно. Побежал домой, как трус. Даже не помог собрать стекло. Ты хотела помочь, а я развернулся и ушёл. Ни слова не сказал. Просто

Он замолчал. Пальцы теребили край куртки. Он смотрел на свои колени, на рваные джинсы, на грязные кроссовки — только не на неё.

— Ты не трус, — сказала Галя тихо. Она не повышала голос. Не задавала вопросов. Просто сказала, как отрезала. — Ты испугался. Это разные вещи.

— Всё равно. Извини.

— Ладно, — она улыбнулась уголками губ. Не широко, не натужно. Тепло. — Извиняю.

Повисла пауза. Сырая, утренняя, с запахом мокрых листьев и машинных выхлопов. Где-то вдалеке лаяла собака. На втором этаже открыли окно, хлопнула рама.

— Галя, — снова сказал он. — Я могу называть тебя на «ты»? А то мы всё как неродные. «Вы», «вы» будто я тебе доклад делаю.

— Давно пора, — ответила она просто. — Мы же соседи. Не чужие. Почти каждый день видимся.

Сергей кивнул. Почему-то стало легче. Словно кто-то снял с плеч тяжёлый мешок. Или не снял, но ослабил лямки. Он вдруг подумал о том, как странно устроена жизнь: она живёт за стенкой уже несколько лет, а он почти ничего о ней не знает. Только пирожки и банки с компотом. И это тепло, которое от неё исходит.

— Ты извини, что я не помогла тебе тогда, — сказала Галя. — Может, надо было настоять. Вызвать скорую или ещё что. Я растерялась. Испугалась.

— Не надо было вызывать, — ответил он. — Я не умею принимать помощь. Если кто-то пытается мне помочь, я

Он запнулся. Не мог подобрать слово. Сбегаю? Прячусь? Закрываюсь?

— Не веришь, что это просто так, — закончила за него Галя.

Он поднял на неё глаза. Она не смотрела с жалостью. Не пыталась обнять или заглянуть в душу. Просто констатировала факт. Будто сказала: «на улице дождь». И это почему-то не ранило.

— Да, — сказал он. И сам испугался своей честности. Слишком много открыл для одного утра.

Но Галя не стала копать. Не спросила «почему». Не сказала «расскажи, что с тобой случилось в детстве». Просто кивнула, как будто понимала. Как будто сама знала, каково это — жить с ощущением, что любое добро — это ловушка.

Они посидели ещё несколько минут. Молча. Смотрели, как мимо идут люди с собаками, как дворник метёт листву, как солнце пытается пробиться сквозь тучи. Галя допила свой кофе, покрутила пустой стаканчик в руках, потом аккуратно бросила его в урну.

— Сейчас я пойду домой, — сказал Сергей. — Посплю. А то глаза слипаются.

— Иди, — Галя улыбнулась. — А вечером заходи. Я суп сварю. Грибной. Ты любишь грибной?

— Не помню, — честно ответил он. — Наверное, да.

— Вот и проверим.

Он встал. Сделал шаг к подъезду. Остановился. Обернулся. На мгновение ему показалось, что она сейчас исчезнет. Растает, как утренний туман. И он останется один перед ржавой дверью.

— Галя? — позвал он.

— М?

— Спасибо. Что не бросила там, на крыльце. Многие бы развернулись и ушли.

Она ничего не ответила. Только улыбнулась. Но улыбка была такая, что у него защемило под рёбрами. Не больно. Странно. Будто внутри кто-то осторожно коснулся самого сердца.

Он толкнул тяжёлую дверь, шагнул в подъезд. Пошёл по лестнице. Пятый этаж. Знакомая дорога. С каждым шагом ноги становились тяжелее — не от усталости, а от мыслей, которые лезли в голову.

«Почему с ней легко?»

Он спрашивал себя об этом уже не в первый раз. И каждый раз не находил ответа. С Галей не надо было играть роль. Не надо было делать вид, что он «нормальный». Она видела его разбитым, дрожащим, сидящим на корточках в луже компота — и не отвернулась. Не сказала «ты больной». Не вызвала полицию.

«Почему я не боюсь, что она причинит мне боль?»

Потому что от неё не исходило угрозы. Никогда. Ни в же-

сте, ни во взгляде, ни в голосе. Всё детство Сергей ждал подвоха. Он научился читать опасность за секунду: чуть повышенный тон, резкое движение, сверкнувшие глаза — и всё, надо уворачиваться. Или сжиматься в комок. Или убежать.

А здесь — ничего. Только тишина. Только её спокойные руки, которыми она поправляла волосы. Только её голос — мягкий, без металла.

«Почему я не хочу от неё убежать?»

Он не знал ответа. И это пугало. Он привык контролировать расстояние между собой и миром. Два метра — безопасно. Один метр — уже тревожно. Ноль метров — опасно, кто-то ударит. А с Галиной расстояние само собой сжималось до нуля, и рука не тянулась к лицу, чтобы закрыться. Она просто была. И этого оказалось достаточно, чтобы он перестал бояться.

Он зашёл в квартиру. Закрыл дверь на замок. Снял куртку, повесил на спинку стула. Прошёл в комнату, сел на кровать, так и не разувшись.

И вдруг понял: он улыбается. Самую чуть-чуть. Уголками губ.

Он не улыбался по утрам никогда.

Сергей лёг на бок, поджал колени к груди, накрылся уголком одеяла. Лампочка в торшере горела — он, как всегда, забыл её выключить.

Где-то глубоко, на самом дне, тихо-тихо шевельнулось что-то тёплое. Похожее на надежду. Он не знал, как с этим

обращаться. Не знал, можно ли этому доверять. Но сейчас, в полудрёме, решил просто не сопротивляться.

Глаза закрылись.

Сергей уснул с улыбкой на лице.

Глава 5. Грибной суп

Сергей проснулся в начале четвёртого.

Сначала он не понял, где находится. Потолок знакомый — побелка с трещиной, похожей на карту реки. Свет горит. Одеяло на полу. Левая рука затекла — он опять спал на ней, поджав колени.

Поза эмбриона.

Он сел, потёр лицо. Часы на тумбочке показывали 15:47. Он проспал почти восемь часов. Много. Слишком много. Обычно ему хватало пяти, а то и четырёх.

«Потому что устал», — подумал он.

«Или потому что не хочется просыпаться», — ответил внутренний голос. Тихий. Почти ласковый. — «Там, во сне, не надо ничего бояться».

Сергей встал, прошлёпал на кухню. Включил чайник. Достал кружку. Кофе — три ложки, два сахара. Рука привычно совершала движения, а голова была занята другим.

«Она сказала заходить. Сказала? Сказала. Заходи вечером, я суп сварю. Грибной».

Он помнил.

«Ты пойдёшь?» — спросил голос. Насмешливо. Или тревожно — не разобрать.

«Не знаю».

«Не ходи. Ни к чему это».

«Я обещал».

«Мало ли что обещал. Ты никому ничего не должен».

Сергей отхлебнул кофе. Кипяток обжёг язык — он не почувствовал. Вкусовые рецепторы давно притупились от расстворимой бурды.

Он смотрел на мутную жидкость в кружке и думал о том, что Галя — единственный человек за последние несколько лет, кто позвал его в гости. Исключая Коляна, который пару раз тащил его на день рождения, где Сергей сидел в углу и не разжимал зубов.

«Почему она это сделала?» — спросил он сам себя.

«Пожалела», — ответил голос мальчика. Тот самый, который прятался под столом. — «Она видела, какой ты жалкий. Сидишь в луже компота и трясешься. Пожалела и позвала. А завтра расскажет соседкам: Представляете, этот псих с пятого этажа».

«Замолчи», — сказал Сергей мысленно.

«А что? Правда глаза колет? Ты сам знаешь — люди не делают добро просто так. Им что-то нужно. Или они хотят посмеяться. Или ударить, когда ты расслабишься».

Он допил кофе залпом. Обжёг горло.

Поставил кружку в раковину. Пошёл в душ.

Вода была ледяной — горячую он не включал никогда. Закалка. Или привычка. Или просто желание почувствовать что-

то кроме того тупого страха, который сидел под рёбрами.

Мылил голову дешёвым шампунем, смотрел, как пена стекает по животу. Вспоминал её лицо. Галю. Её глаза — серые, внимательные. Они не бегали, когда она смотрела на него. В них не было брезгливости.

«Может, она правда просто добрая?» — подумал он.

«Не бывает таких людей», — отрезал голос мальчика. — «Ты забыл, как мать улыбалась, перед тем как».

Он не дал голосу договорить. Рванул кран. Вода перестала течь. Тишина в ванной стала густой, как кисель.

Сергей вытерся, оделся. Джинсы, чистая футболка, толстовка — та самая, старая, с капюшоном. Посмотрел в зеркало. Из отражения на него смотрел мужчина с запавшими щеками и красными глазами.

— Иди уже, — сказал он вслух. — Не трусь.

Он вышел на лестничную клетку.

Дверь Гали была закрыта. За ней — тишина. Ни звука. Ни запаха.

«Постучи», — сказал голос взрослый, спокойный.

«Не надо», — возразил мальчик. — «Уйди, пока не поздно».

Сергей поднял руку. Постучал. Три раза. Коротко.

Дверь открылась почти сразу.

Галя стояла на пороге в джинсах и старой кофте. Волосы собраны в хвост. На носу — очки в тонкой оправе. Он раньше не видел её в очках.

— Заходи, — сказала она просто. — Я уже заканчиваю.
Он шагнул через порог.

Квартира пахла грибами и ещё чем-то знакомым. Детским. Может быть, укропом. Может быть, свободой.

— Проходи на кухню, — Галя уже разворачивалась к плите. — Садись. Сейчас буду наливать.

Сергей сел на тот же табурет, что и в прошлый раз. Огляделся. Ничего не изменилось: цветы на подоконниках, вышитые картины на стенах, скатерть в клетку. Но теперь он чувствовал себя чуть увереннее.

Или нет.

«Почему она не спросила, как я спал? Почему не лезет в душу? — подумал он. — Это подозрительно. Нормальный человек спросил бы».

«Может, она знает, что ты не любишь вопросы», — ответил взрослый голос.

«Откуда?».

«Ты вчера трясся на крыльце. Она видела. Она поняла».

Галя поставила перед ним глубокую тарелку. Жёлтую, с трещиной на краю. Суп парил, поднимал к потолку клубы пара.

— Ешь, — сказала она. — Я сметану добавила. Много. Ты любишь сметану?

— Не знаю, — ответил Сергей. — Наверное.

Он взял ложку. Подул. Отхлебнул.

Грибы. Картошка. Морковь. Сметана. И что-то ещё — то

самое, что пахло детством.

— Вкусно, — сказал он удивлённо.

Галя улыбнулась. Села напротив, положила подбородок на сцепленные руки. Смотрела, как он ест.

— Не стесняйся, добавки ещё есть.

Он не стеснялся. Он просто не привык, чтобы кто-то смотрел на него, когда он ест. Это было странно. Непривычно. Но не противно.

«Она ждёт, что ты скажешь что-то ещё?» — спросил мальчик.*

«Не знаю».

«Скажи спасибо. Вежливо. И уходи. Не задерживайся».

— Спасибо, — сказал Сергей. — Очень вкусно.

— Пожалуйста, — ответила Галя. — Я рада.

Она не спросила, почему он убежал. Не спросила, почему сидел в луже компота. Не спросила, почему вздрагивает от громких звуков.

Она просто сидела напротив и смотрела, как он ест.

Это было самое странное и самое тёплое, что случилось с ним за последние годы.

Он съел всю тарелку. Выпил компот — тот самый, из похожих банок, которые разбились. Галя поставила перед ним кружку с чаем. Лимон плавал на поверхности, как маленькая жёлтая лодка.

— Расскажи что-нибудь, — попросила она.

— О чём? — Сергей напрягся.

— О работе. Если не тяжело.

Он помолчал. Сжал кружку так, что побелели костяшки.

«Не рассказывай. Она испугается. Или начнёт жалеть».

«Она не испугалась тогда, когда я сидел в луже». Подумал Сергей.

— Я забираю тела, — сказал он. — Скорая помощь. Только не для живых.

Галя не отшатнулась. Не закрыла лицо руками. Не сказала «фу».

— Тяжёлая работа, — сказала она тихо. — Я бы не смогла.

— Привыкаешь, — ответил Сергей. — Как к запаху.

Она кивнула. Не стала спрашивать.

Они допили чай. Сергей встал.

— Спасибо, — сказал он. — За суп. За всё.

— Заходи ещё, — улыбнулась Галя. — Завтра, если хочешь.

— Хорошо, — ответил он.

Не «может быть». Не «посмотрим». А «хорошо».

Он вышел на лестничную клетку. Дверь за ним закрылась. Он постоял несколько секунд, прислушиваясь к себе.

Никакого голоса. Ни мальчика, ни взрослого. Тишина.

Только в груди — странное, незнакомое чувство. Похожее на то, как будто кто-то осторожно разжал кулак, в котором Сергей сжимал свои страхи много лет.

Он не пошёл домой.

Спустился на первый этаж, вышел на улицу. Сегодня не

было дождя. Небо серое, но без слёз.

Он сел на ту самую лавочку, где сегодня утром разговаривал с Галиной. Достал телефон. Посмотрел на экран. Потом убрал.

«Почему она не сделала мне больно? — подумал он. — Я был готов. Я почти ждал, что она скажет что-то обидное. Или рассмеётся. Или».

«Она просто сварила суп», — ответил взрослый голос.

«Этого не может быть. Люди не делают добро просто так».

«А если она — делает?».

Сергей не знал ответа.

Он сидел на лавочке, смотрел на закрытое тучами небо и чувствовал, как внутри, где-то глубоко, пускает корни что-то новое. Не страх. Не недоверие.

Надежда.

Маленькая. Робкая. Почти невесомая.

Она не улыбалась. Она просто была. И этого хватило, чтобы Сергей не сорвался и не убежал.

Глава 6. Пусть всегда будет солнце

Смена началась в шесть утра. Сергей ещё не продрал глаза, как Колян бросил ему на колени планшет.

— Адрес. Давай, шевелись.

Экран светился голубоватым светом: улица Северная, дом 8, квартира 3. Примечание: «ребёнок, падение с высоты».

Сергей вырулил со стоянки, даже не выпив кофе. Колян молчал — это было плохим знаком. Когда Колян молчал,

значит, вызов хреновый.

Дом оказался старой пятиэтажкой на окраине. Подъезд вонял мочой и перегаром. На лестничной клетке валялись окурки, пустые бутылки, чей-то ботинок без пары. Сергей шёл по этому дну и чувствовал, как внутри поднимается что-то чёрное. Не гнев. Не страх. Тягучая тяжесть, как смола.

Квартира три была на втором этаже. Дверь открыта нараспашку. Внутри орала женщина — не плакала, именно орала, как будто ей отрезали ногу без наркоза.

Сергей шагнул внутрь.

Квартира — маленькая, замусоренная. На полу — какие-то тряпки, коробки, остатки еды. Пахло кислым, как будто здесь никогда не проветривали. В углу кухни сидел мужчина в трусах и майке. Лицо опухшее, глаза бессмысленные. Он смотрел в пол и раскачивался. Рядом — пустая бутылка из-под водки.

— Где тело? — спросил Колян у женщины.

Та не ответила. Продолжала орать.

Сергей обошёл квартиру. Заглянул в комнату. Пусто. На кровати — скомканное одеяло с паровозиками. На стене — детские рисунки. Кривые домики, солнце с лучами, человечки с большими глазами.

Его затошнило.

Он вышел на балкон. Дверь была открыта. Перила низкие — по пояс взрослому человеку. Для ребёнка — никакой преграды. На перилах — следы маленьких ладоней. Игрушеч-

ный паровозик валяется в углу.

Внизу, на асфальте, уже стояла скорая. И человек в форме. И толпа зевак, которых всегда притягивает чужое горе.

Сергей не стал смотреть вниз. Он и так знал, что увидит.

Они спустились во двор.

Труп был маленьким. Мальчик, лет пяти. Рядом — лужа крови, растекающаяся по асфальту. Врач скорой уже констатировал смерть, покачивал головой, что-то писал в блокноте.

Сергей смотрел на лицо мальчика. Оно было целым. Только из уха текла кровь. И из носа. И глаза были открыты — удивлённые, как будто он не понял, что случилось, и хотел спросить у мамы: «Мама, почему я лечу?»

Внутри что-то щёлкнуло.

Не голос. Не мысль. Просто — щелчок, как будто в голове перегорел предохранитель.

Он наклонился, взял тело на руки. Мальчик был лёгкий — не больше пятнадцати килограммов. Тёплый ещё. Совсем тёплый. И мягкий, как тряпичная кукла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.